

Сталинская премия за «Тихий Дон»

Когда началась мода на свержение литературных авторитетов с олимпийских высот, одной из первых ее жертв оказался Михаил Шолохов. С одной стороны, это вполне понятно: миф, созданный вокруг имени писателя, был крайне уязвим. Но с другой — это ниспровержение часто было ни на чем не основанным. Ибо значительная часть документов, касающихся Шолохова, только-только становится достоянием общественности. Об одном из важнейших моментов биографии писателя, которому 24 мая исполнилось бы 88 лет, идет речь в этой статье.

Известно, что Михаил Шолохов в марте 1941 года стал лауреатом Сталинской премии 1-й степени. Таким образом было отмечено завершение в конце предвоенного десятилетия его эпопеи «Тихий Дон». Современные публицисты и критики избегают комментариев этого факта, хотя в подтексте литературной молвы все же звучит упрек писателю. Мол, если уж получил высшую литературную награду, отмеченную именем Сталина, значит, были на то основания, значит, сумел расположить к себе командно-административную систему, значит, и это обстоятельство лишней раз подтверждает, что Шолохов заключил договор «с дьявольщиной» (А. Кабаков).

При желании подобные представления критиков трудно подкрепить эмоционально-декларативными сентенциями, справедливость которых многим сегодня кажется столь очевидной. Гораздо сложнее обстоит дело с аргументами фактического свойства, поскольку многие обстоятельства литературной жизни 30-х годов до сих пор остаются тайной за семью печатями. Не является исключением и история с присуждением Шолохову премии, которую долгие годы стыдливо именовали Государственной. До недавнего времени документы, связанные с работой Комитета по Сталинским премиям, были недоступны для исследователей. Критике оставалось довольствоваться расхожими до-

гадками либо, того пуще, удобными выдумками.

Авторы немногочисленных упоминаний об обстоятельствах присуждения Шолохову премии склонны считать, что это решение было единодушным и безусловным, якобы с энтузиазмом поддержанным всеми членами комитета, за исключением разве что А. Фадеева. Автор литературной биографии бывшего генсека Союза писателей И. Жуков утверждает, что «многим, и прежде всего Шолохову, показалось странным поведение Фадеева во время присуждения М. А. Шолохову Сталинской премии первой степени за роман «Тихий Дон». «Я единственный, кто голосовал против», — сказал он Шолохову. «Почему, не понимаю», — удивился Михаил Александрович и после не мог найти этому факту объяснения».

Достоверность этого свидетельства вызывает сомнение. Трудно поверить, что Шолохов мог находиться в неведении относительно причин резкого отрицательного отношения Фадеева к «Тихому Дону». Дело в том, что он сам постановлением Совета Народных Комиссаров был утвержден членом комитета, более того — одним из трех заместителей его председателя В. И. Немировича-Данченко. Правда, позднее он, очевидно, отказался от участия в работе комитета, во всяком случае в стенограммах его заседаний ни разу не отмечено его присутствие там. Однако, общаясь с членами комитета,

Шолохов, конечно, хорошо знал позиции каждого из них, в том числе и по отношению к своему роману. Впрочем, судя по всему, эти позиции никто не собирался маскировать: они были выражены с предельной открытостью и прямоот. А. Фадеев, говоря о «Тихом Доне» на заседании комитета, заявил: «Все мы обижены концом произведения в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца, а Шолохов привел любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, — и ничего не получилось в результате рубки. Люди доходят до полного морального опустошения, и из этой битвы ничего не родилось... Шолохов поставил читателя в тупик. И вот это ставит нас в затруднительное положение при оценке. Мое личное мнение, что там не показана победа сталинского дела, и это заставляет меня колебаться в выборе».

Был ли Фадеев одинок в своем представлении об идейной направленности романа Шолохова? Справедливее было бы сказать, что, напротив, он выражал то, что думал каждый из участвующих в обсуждении, может быть, только чуть резче и категоричнее.

Впрочем, еще более жестко о своем неприятии идейной концепции «Тихого Дона» заявил другой участник дискуссии А. Довженко: «Я прочитал книгу «Тихий Дон» с чувством глубокой внутренней неудовлетворенности... Суммируются впечатления следующим обра-

зом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устойчивый, теплый быт. Пришла революция, советская власть, большевики — разорили тихий Дон, разогнали, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену, довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу, — погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... и на этом дело кончилось».

Это огромная ошибка в замысле автора».

О своей неудовлетворенности идейным содержанием шолоховского романа говорили и А. Корнейчук, и Н. Асеев, и др. Даже А. Толстой, который, может быть, более других членов комитета ощутил величие созданного Шолоховым произведения, все же не преминул заметить: «Конец 4-й книги... компрометирует у читателя и мятущийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов... Такой конец «Тихого Дона» — замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка».

Становится очевидным, что вопреки бытующим ныне суждениям у членов Комитета по Сталинским премиям вовсе не было иллюзий по поводу «правильности» идейно-политического смысла романа Шолохова и особенно его финальной части. Вскрывая приметы потаенных процессов в общественном сознании 30-х годов, отчетливо видишь, что «Тихий Дон» всем своим идейно-художественным потенциалом взламывал

социальные и этические догмы утвердившейся идеологии, заставляя усомниться в их безусловности даже самых последовательных и искренних сторонников.

Возникает вопрос: почему же при таком отчетливом понимании антисталинской сущности шолоховского произведения оно все же было отмечено премией? Для полного ответа на этот вопрос надо бы знать позицию самого «Хозяина», без решения которого, конечно же, премия его имени не присуждалась. Пока что сведения на этот счет весьма лаконичны и противоречивы, впрочем, вряд ли можно надеяться на то, что когда-нибудь эта загадка может быть разгадана до конца.

Что же касается литераторов — членов комитета, то можно с уверенностью сказать, что в их решении одним из определяющих мотивов стало глубоко осознанное понимание и ощущение потрясающей художественной мощи «Тихого Дона». Перед этим очевидным и непрекрасимым аргументом все другие доводы отступали на второй план. По этому поводу в выступлениях участников обсуждения романа Шолохова не было разногласий. Тот же А. Фадеев вынужден был признать: «Это исключительно талантливое произведение, и как будто двух мнений не может быть, любой человек прочтет и скажет: «Это — произведение, равного которому трудно найти».

Конечно, противоречивость логики, отказывающей высоко-

художественному произведению в социально-исторической правде, была очевидной, и члены комитета хорошо ощущали парадоксальность ситуации, но они не стали, по понятным причинам, докапываться до ее корней. Н. Асеев выразил это общее настроение без поэтической непосредственности: «Вот три мерила: страшно симпатичное и привлекательное по тенденции произведение Ванды Василевской, почтенное и уважаемое произведение Сергеева-Ценского (первоначально, помню «Тихого Дона», были выдвинуты для обсуждения романы В. Василевской «Пламя на болотах» и С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». — Ю. Д.) и порочное, но любимое произведение Шолохова (смех). Ну что же делать!»

Открывающаяся ныне на основе подлинных документов картина литературной жизни предвоенного десятилетия оставляет впечатление более сложное, чем то, которое о ней нередко бытует. В этом контексте и Шолохов предстает в новом, не известном прежде измерении — не в том бронзово-величавом, которое утверждалось многие годы официальной пропагандой, но и не в том примитивно-вульгаризованном, которое насаждается сегодня. Можно надеяться, что явление Шолохова в отечественной культуре XX века будет обретать в общественном сознании свой подлинный облик, не искаженный политической или иной конъюнктурой.

Ю. ДВОРЯШИН,
кандидат филологических наук.

22.05.93
Михаил Шолохов